

вания должна исходить не из идеологии универсального эволюционизма и прогрессизма, возгоняющей все сущее к какой-то абстрактной точке, а из установки на коэволюцию и бесконечность Вселенной; при этом человек рассматривается как ее микрокосм; целью нашей деятельности должно быть бытие, а не становление (линия Парменида, а не Гераклита); парадигмой культуры: *Nemo pot vult esse nisi homo*¹⁰ (Н. Кузанский); смысл жизни человечества надо видеть не в его конце, а в «совершеннейших экземплярах» (Ф. Ницше); есть ситуации, в которых придется уповать на то, что «нас спасет только Бог» (М. Хайдеггер); этическим идеалом должно быть богочеловечество, что предполагает отказ от прометеизма и претензий на человекобожие (Н. Бердяев); а главным назначением философии следует считать поддержание «традиции воссоздания человека» (М. Мамардашвили). Это та линия аргументов, вокруг которой можно выстраивать идеологию сохранения жизни на Земле. Она близка духу великих религий, призывавших не к трансформации, а нравственному возвышению личности. Она совпадает с *perennial philosophy* (вечной философией) и может стать предпосылкой вечности человека. Если в нее верить и за нее бороться — мы продлимся.

¹⁰ Человек не хочет быть ничем иным, кроме человека.

Классическое наследие

Родерик Д. Маккензи — представитель Чикагской школы социологии, один из создателей человеческой экологии как специальной социологической дисциплины, изучающей пространственные и временные отношения между индивидами и институтами, складывающиеся под влиянием таких сил среды, как отбор, распределение и аккомодация. Его формулировка задач человеческой экологии пользовалась авторитетом в середине XX века и легла в основу многих плодотворных исследований в этой области. Журнал предлагает вниманию читателей статью Маккензи, в которой освещается связь пространственной организации сообществ с принципом господства.

РОДЕРИК Д. МАККЕНЗИ

ПОНЯТИЕ ГОСПОДСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА*

В своей интересной книге «Физиологические основы поведения»¹ Ч. Чайлд разрабатывает идею, что первичным физиологическим фактором, связанным с реагированием организма, является отношение господства и подчинения между интегрированными частями, клетками, тканями, органами². По мере того как организм развивается, переходя от одноклеточной формы к многоклеточной, интеграция частей возрастает в своей сложности, а отношение господства и подчинения становится более выраженным и локализо-

* Перевод выполнен по изданию: McKenzie R. D. The Concept of Dominance and World-organization // American Journal of Sociology. 1927. Vol. XXXIII. № 1. P. 28-42.

¹ Child Ch. Physiological Foundations of Behavior. N. Y., 1924.

² Здесь нет даже малейшей попытки подчеркнуть биологическую аналогию; здесь подчеркиваются лишь структурные свойства, которые, на наш взгляд, заслуживают того, чтобы на них обратили внимание. Не стоит и говорить, что основная идея этой статьи предлагается как исходная точка для дальнейших изысканий, а не как положительный результат индуктивного исследования.

ванным. Тип взаимосвязи частей на любой конкретной стадии развития называется «организмическим паттерном» (organismic pattern). Он варьирует в своей сложности от интеграции у амебы до интеграции у человека.

Где-то к концу своей книги Чайлд указывает, что в социальных группах, будь то у животных или у человека, по всей видимости, развиваются формы пространственного паттерна, близкие к формам организмического паттерна. Иначе говоря, живые единицы интегрируются в рамках динамической связи господства и подчинения, ведущих и ведомых. Такой паттерн присущ своре, стаду животных, стае мигрирующих птиц, а также всем человеческим группам. Даже социальная организация, в широком ее значении, видимо, представляет те же основополагающие стандартные формы господства и подчинения, какие обнаруживаются в биологических организмах.

Чайлд не берется проследить идентичность работающего здесь принципа в более конкретных аспектах экономической и культурной организации. Он ограничивается в своих замечаниях указанием на тождество паттерна в разных социальных группах. Поскольку в паттерне сообщества то же отношение господства и подчинения выражено даже в еще более удивительной степени, чем в паттерне социального поведения, я попытаюсь в этой статье показать, как происходит пространственная интеграция человеческих институтов при разном состоянии коммуникации и транспорта. Общеизвестно, что все пространственно фиксированные аспекты структуры наших сообществ, такие, как дороги, дома, магазины, заводы и учреждения, интегрируются в совершенно определенные стандартные формы, и организующим динамическим принципом этой интеграции служит отношение господства и подчинения.

Пространственный паттерн сообщества, или экологические организации

Чайлд различает несколько общих типов организмического паттерна. Простейший из них он называет паттерном «поверхность—внутренняя область» (surface-interior pattern). В некоторых низших организмах доминирующая зона, или область наибольшей активности, связана с внешней поверхностью. Именно в ней ор-

ганизм наиболее жизненно себя проявляет, и именно в ней он наиболее непосредственно связывается со своей средой. Однако по мере того как мы поднимаемся вверх по шкале животной жизни, мы обнаруживаем все большую дифференциацию частей и концентрацию зоны доминирования, пока наконец не добираемся до человека, у которого мозг, или кора головного мозга, стала в высокой мере специализированным центром доминирования, координирующим и контролирующим сложно интегрированные части тела.

В социальной эволюции выделяются приблизительно такие же ступени развития пространственного паттерна человеческих агрегатов. Примитивные человеческие сообщества, как и органические формы, наиболее жизненны на периферии, и эта часть более всего подвержена опасным воздействиям среды. Примитивная деревня обычно представляет собой простое скопление хижин, лишенное какого бы то ни было специализированного центра активности, за исключением того, который связан в отдельных случаях с храмом или алтарем. Основной областью внимания является околица, где ночью обычно выставляют дозорных, чтобы те охраняли селение от мародеров. Этот образец деревенской структуры существует сегодня во всех районах мира, где слабо центральное правительство и местность кишит разбойниками, например, во многих районах Азии.

Аналогичный тип пространственной конфигурации представлен в обнесенном стеною городе, который существовал в прошлом повсюду и все еще существует в Китае и Малой Азии. В таких городах внешний край является живой, или активной частью; местами наибольшей активности служат обычно городские ворота. Улицы, как правило, тем больше теряют в своей значимости, чем больше удаляются от ворот вглубь города. В соответствии с этой формой пространственной конфигурации организована отчасти даже современная нация. Политическая граница, особенно в старых и хорошо укрепленных с военной точки зрения европейских государствах, образует своего рода стену, или периферию повышенной активности, замыкающую внутри себя регион с более развитой экологической конфигурацией.

Тенденция социальной эволюции, равно как и тенденция органической эволюции, ведет в направлении осевой формы пространственной конфигурации с главенствующим центром и подчиненными интегрированными частями. Где бы ни вводились современ-

ные средства транспорта и коммуникации, везде симметричный недифференцированный образец пространственной группировки уступает место осевому и дифференцированному образцу. Все наши города развивались по принципу доминирующих центров и подчиненных им взаимозависимых частей, представляющих разные формы использования земли и разные уровни цен на землю. Этот привычный осевой паттерн жизни нашего сообщества принимается нами как нормальный и неизбежный. Однако он не совпадает с пространственным образцом старых городов Азии. На самом деле, структура большинства восточных городов в настоящее время определяется симметричным паттерном, для которого характерно отсутствие преобладающих центров. Например, такие города, как Сучжоу, Ханчжоу и Фучжоу, если назвать лишь несколько, вообще говоря, не имеют центров доминирования. Узкие извилистые улочки обладают почти равной значимостью на всем протяжении города. Ворота, дающие вход и выход важным внешним регионам, являются местами наибольшей активности. Есть в таких городах, конечно, и внутренние сектора концентрированной активности, например, открытые пространства вокруг храмов и пагод, где обычно устраиваются базары; но такие ареалы не господствуют в структуре города до такой степени, чтобы создать координацию и интеграцию частей.

Внедрение железной дороги и современных механизмов коммуникации, как правило, везде производит схожие результаты в плане пространственного перераспределения. Обычно железная дорога минует старую городскую стену, проникает внутрь города, и конечный ее пункт размещается в географическом центре сообщества или поблизости от него. Сразу начинается пространственная реорганизация. Новый центр сообщества приобретает относительно большую значимость по сравнению со всеми другими его частями. Вводятся осевые транспортные системы, ограниченные пределами города. Стоимость земли в центре быстро растет. В центре или вблизи него вырастают отели, учреждения, банки и универмаги. Население и здания перераспределяются по отношению к новому центру доминирования соответственно уровню цен на землю.

Этот процесс перехода от симметричного к осевому образцу хорошо иллюстрируется ростом Токио. До появления железной дороги этот город был слабо скрепленной федерацией деревень,

сгруппированных вокруг замка сёгуна (ныне — дворца императора). Деревни были соединены друг с другом узкими петляющими дорогами, вдоль которых стали со временем появляться маленькие лавки самого разного назначения. С приходом железной дороги в 1872 году и строительством большого центрального депо³ начал развиваться новый центр специализированной активности. Неразвитый прежде участок земли, лежащий между железнодорожной станцией и императорскими владениями, немедленно превратился в место расположения множества важных банков и учреждений, выстроенных по западным образцам и возвысившихся над всем остальным городом. Появились широкие улицы, ведущие во всех направлениях из этой новой зоны доминирования. На улицах появились автомобили и автобусы, что в итоге привело к основательной реорганизации пространственной конфигурации города. Одним словом, Токио быстро приобретает структуру западного города аналогичных размеров. В Токио появляются все «районы», типичные для города с двумя миллионами жителей. Население быстро сегрегируется по уровню доходов, а домашняя экономика уступает место фабричной. Челночный процесс притока рабочих и работников магазинов с периферии в центр и оттока их в обратном направлении стремительно ускоряется. Между тем, крупные районы города все еще принадлежат к старому типу пространственной конфигурации и к ремесленной стадии хозяйственной жизни.

Осевой образец пространственного распределения с характерным для него отношением господства и подчинения между взаимозависимыми частями становится образцом распределения для всего мира в целом. По мере того как совершенствуются средства коммуникации и преодолеваются препятствия для движения, мир организуется по образцу паутины. Весь физический каркас, через посредство которого функционирует цивилизация, становится сложным взаимосвязанным единством, в котором основополагающей связью между частями являются отношения господства и подчинения. Все старые границы — и локальные, и национальные — постепенно утрачивают свою значимость; предметом подчеркнутого внимания становятся пути сообщения, а не внешние окра-

³ Строительство завершено в 1914 г.

ины. Сегодня конкуренция разворачивается уже не между культурными и политическими ареалами, а между регионами и центрами. И хотя политическим границам продолжает уделяться много внимания, их современная значимость связывается с движениями товаров и людей, а не с передвижениями армий. Поскольку зоны потребления сегодня могут располагаться очень далеко от зон производства, создание искусственных препятствий для передвижения, видимо, будет эффективным способом недопущения региональной эксплуатации⁴.

Господство как функция коммуникации

Экспансия западной цивилизации — результат развития транспорта и коммуникации. По мере улучшения средств коммуникации доминирующий регион расширяется. Город всегда был символом цивилизации, которая даже в самой грубой своей форме представляет пространственную конфигурацию, образованную фиксированным центром господства и платящими ему дань подчиненными районами. Правильно говорит Джудвайн: «*Всякая эффективная экспансия начинается с города и начинается в городе. Именно такие крупные города, как Лондон, дают нам великие торговые компании, сотворившие нашу империю; именно с создания фортов и мест торговли, будь то на Хугли, на реке Святого Лаврентия и Потомаке или в Гудзоновом заливе, берет начало наша империя*»⁵. Древние империи Китая, Греции и Рима представляют военные и политические формы господства, сосредоточенные в укрепленных городах и управляемые за счет способности успешно использовать доступные в то время грубые формы коммуникации. Связь подчиненных регионов с доминирующими центрами определялась, однако, не торговлей, а данью.

Смещение акцента с политического на экономическое и экологическое господство произошло с ростом торговых центров на берегах Средиземного и Балтийского морей. Здесь нет необходи-

⁴ Недавно взыгравший во многих мировых нациях порыв ввести искусственные барьеры для передвижения, такие, как тарифные барьеры и ограничение въезда иммигрантов, представляет собой попытку решить проблемы, вытекающие из современной текучести (fluidity).

⁵ Jeurwine J. W. *Studies in Empire and Trade*. Longmans, 1923. P. 59.

мости проследить последовательные стадии роста и упадка разных торговых центров Европы. История показывает, что различные места сосредоточения торговли и коммерции менялись в своей относительной значимости пропорционально тому, насколько им удавалось поддерживать эффективные каналы коммуникации с внешним миром. Испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы соперничали друг с другом в расширении торговых связей с Азией, Африкой и Америкой. Окончательное превосходство Англии установилось благодаря тому, что она добилась успеха в развитии и поддержании самой эффективной системы коммуникации между ее домашними портами и внешним миром. Преимущество, обретенное ею в начале XIX века над конкурентами, колоссально возросло, когда были внедрены новые формы коммуникации и транспорта. Англия лидировала в распространении новых средств коммуникации. Она не только создала крупнейший торговый флот и военно-морские силы для его защиты; она прокладывала большинство кабельных линий в мире; она строила или финансировала большинство портов и железных дорог за пределами Европы и США. Благодаря своей эффективной системе коммуникации она, следовательно, быстрее, чем любая другая нация, научилась использовать неразвитые районы мира на благо своего народа. Эта концентрация основных артерий мировой коммуникации на маленьком острове в Северном море обеспечила ему господство в международной торговле, во многом напоминающее господство делового центра современного города над окрестными интегрированными районами. За последние полвека Англия стала деловым центром Европы и Америки, сосредоточив в своих руках большую часть торговых связей с Азией, Африкой и морскими островами.

Коммуникация versus транспорт

До середины XIX века слова «коммуникация» и «транспортровка» были практически синонимами. Интеллект переправлялся с помощью тех же средств, что и товары, и люди; однако внедрение телеграфа, телефона и беспроводных форм коммуникации полностью изменило ситуацию и вызвало революционные следствия

в пространственной реорганизации. Первым следствием указанного расхождения в скорости передачи идей и объектов стали централизация контроля и децентрализация исполнения. Функция управления и руководства стремится пространственно отделиться от функции исполнения и практического применения. При новом порядке коммуникации планирование и руководство бизнесом или государственной службой может осуществляться в радиальных точках коммуникации эффективнее, чем в локусе самой активности. Вследствие этого наметились две важные тенденции в пространственной конфигурации. Прежде всего, децентрализация промышленной и коммерческой деятельности достигает степени, совершенно невозможной в то время, когда интеллект передавался с такой же скоростью, как и физические объекты. Промышленные предприятия и другие деловые учреждения могут теперь располагаться на больших расстояниях от источника управления и контроля. Это проявляется в тенденции европейских и американских фирм размещать заводы в Индии, Китае и в других районах мира, где условия позволяют им это делать⁶.

Во-вторых, тенденция к концентрации интеллекта дала центрам наших городов такую значимость или такое господство, какого еще никогда не было в прошлом. Именно обменные, деловые учреждения, учреждения транспорта и коммуникации, а не институты розничной торговли дифференцируют центры наших городов от всех других их частей. Иными словами, городской центр, или ареал доминирования, находится там, где принимается и передается интеллект, где концентрируются мозги и способности и где сообщество проявляет свою наибольшую жизненную активность.

Эта централизация интеллекта и контроля, вытекающая из упорядочения пространства современными средствами коммуникации, наделила отдельные города или целые цепи городов специализированными ролями коллекторов и распределителей всевозможного рода информации. Крупные товарообмены и финансовые обмены сосредоточиваются в стратегических городах или группах городов, а тем самым создают первичные и вторичные центры доминирования.

⁶ Более половины хлопчатобумажных предприятий в Китае имеют иностранных владельцев. См.: Chinese Economic Monthly. February, 1926.

ния, связанные с дифференцированными функциями. Например, Чикаго, Виннипег и Ливерпуль далеко обошли другие города мира в заключении срочных сделок на покупку пшеницы; тогда как Нью-Йорк, Новый Орлеан и Ливерпуль образуют господствующее трио в заключении сделок на покупку хлопка. А Лондон и Нью-Йорк являются аналогичным образом финансовыми центрами мира.

Расширение рынка, которое стало возможным благодаря современной коммуникации, ведет к региональной производственной специализации и, следовательно, территориальной интеграции в неведомых прежде масштабах. Современный мир интегрируется посредством информации, накапливаемой и распределяемой из фиксированных центров господства. Но так как интеллект становится централизованным и скоординированным, товары обмениваются более прямыми, или геометрическими путями. Старые формы транзитной торговли постепенно уступают место прямой торговле, маршруты которой определяются факторами издержек и времени⁷.

ИМПОРТ, вес в тыс. фунтов	1910-1914 (в среднем)	1923
Олово		
Из Соединенного Королевства	57.700	25.014
Из Стрейтс-Сеттльментс	38.226	105.137
Каучук		
Из Соединенного Королевства	28.737	66.612
Из Британской Ост-Индии	8.315	462.112
Из Голландской Ост-Индии	133.000	112.305

Многочисленные препятствия примитивного характера все еще служат ограничивающими факторами для более прямого, или геометрического обмена товарами. Границы между регионами, различия в языке, обычаях, денежных системах, весах и мерах, деловой этике устанавливают барьеры для более эффективного использования мировых ресурсов. Обязательным условием свободного и беспрепятственного регионального сотрудничества является стандартизация. Внутри национальных границ уже достигнута высо-

⁷ Следующие цифры (Report of Committee on Industry and Trade-Survey of Overseas Markets / H.M. Stationery Office. L., 1926. P. 452), относящиеся к двум весьма важным для США импортным товарам, показывают, насколько прямая торговля вытесняет транзитную.

кая степень стандартизации, однако в сфере международных передвижений все еще в полной мере проявляет себя примитивный характер мира⁸. И нам вовсе нет необходимости обращаться к отсталым районам Азии, чтобы найти примеры примитивных барьеров, встающих на пути экономического прогресса. Европа с ее двадцатью шестью политическими границами, с ее многообразием языков и диалектов, с ее региональными чувствами взаимной зависти и культурными различиями дает достаточно примеров того, как в определении пространственной конфигурации чувство берет верх над интересом.

Господство и фронтир

Понятие «господство» предполагает центр и периферию активности, внутренний локус и внешнюю окраину. В мире, который пока еще не приобрел законченных очертаний, есть ареалы, которые еще только входят под влияние образца великого общества, и ареалы, которые продолжают оставаться вне сферы его доминирования. Окраинные регионы, пребывающие в процессе развития или реорганизации, обычно называют фронтами.

Существует много типов фронтиров. Однако их можно сгруппировать в три общих класса соответственно характеру их экономической связи с центрами доминирования⁹. Во-первых, есть торговый фронтир, характеризующийся по большей части обменом сырьевой продукцией на товары промышленного производства. Такова была связь отдаленных окраин Британской империи с метрополией (*mother-country*). Такая связь существует повсеместно между сельскохозяйственными регионами и промышленными. Во-вторых, есть плантационный тип фронта, являющийся разновидностью первого класса, но достаточно от него отли-

⁸ Китай — великолепный пример того, как отсутствие стандартизации препятствует экономической и политической реорганизации страны. Местные транзитные пошлины (в провинции Шаньси действуют 22 таможенных поста, где взимаются транзитные сборы) мешают свободному движению товаров. Отсутствие стандартизации в деньгах, весах и мерах, а также качестве товаров делает обмен почти невозможным.

⁹ Если исключить из внимания временные поселения и недавно образовавшиеся типы фронтиров, связанные с центрами развлечений. В них не столь отчетливо выражена связь со специфическими центрами доминирования, как в трех обсуждаемых нами классах.

чающийся, чтобы заслуживать специального рассмотрения. Плантационный фронтир обычно располагается в тропической зоне или вблизи нее. Он предполагает огромные финансы и организацию, а также обилие дешевой рабочей силы, поставляемой подвластными народами. Типичные примеры плантационного фронта можно найти на Кубе, Ямайке, Гавайях, в Малайе, Голландской Ост-Индии, Ассаме и на Цейлоне. Третий тип фронта можно обозначить как промышленный фронтир. Это самый поздний продукт экспансии западного господства. Он предполагает проводимое при внешнем финансировании и под внешним управлением внедрение машинной промышленности в менее индустриализованные районы мира, например, недавнее вторжение европейских и американских фабрик в Китай, Индию, Латинскую Америку и Канаду.

Какова бы ни была природа современного фронта, обычно он связан со своими далекими центрами доминирования теснее, чем с окрестной *глубинкой* (*hinterland*). Западный мир выставил свои аванпосты вдоль береговых линий отсталых континентов и морских островов. Транспортные маршруты и линии коммуникации соединяют фронтир с зарубежными центрами контроля. Как неотъемлемые механизмы контроля строятся пристани, склады товаров, банки и здания учреждений. Прибрежные города Китая, Малайи и Индии носят эти европейские маски, создающие у посетителя впечатление, что он путешествует по берегам Европы или Америки. Но, чуть удалившись от берега, он открывает для себя «туземный» город с его первозданной организацией и формой, словно не тронутой зарубежным вторжением, хотя в действительности это не так.

Современное господство проникает в новые уголки мира на манер катастрофы; иначе говоря, крупная промышленность или бизнес вламываются в неразвитые или по-иному развитые районы мира внезапно и в зрелой форме. Только крупная организация может позволить себе вторгаться в новые уголки мира. Следовательно, вторжение приходит сюда не как медленный рост, а как внезапный взрыв энергии, оказывающий революционное воздействие на пространственные отношения коренных жителей и их жизнеобеспечение.

Господство и экологическая реорганизация фронта

Как только какой-то ареал подпадает под влияние западных центров, он претерпевает глубокие изменения в пространственном и профессиональном распределении населения. Западные формы коммуникации — железные дороги, шоссейные дороги, автомобили, кабельные линии, телеграфы и телефоны — постепенно внедряются в жизнь и создают новый масштаб пространственной дистанции, который, в свою очередь, обуславливает перераспределение всего населения. Во всех восточных городах, которые были подчинены западному влиянию, началась миграция жителей и внедрение нового образца пространственной структуры сообщества, аналогичного пространственному образцу западных городов. Домохозяйство и домашние институты постепенно отступают под натиском фабричной конкуренции и более дешевых импортных товаров. По мере того как разделение труда и отделение места работы от места проживания перераспределяют семейную группу, происходит дезинтеграция семейной структуры. Население города тяготеет к перераспределению на основе экономического статуса и профессионального интереса. Окружающие деревни приходят в упадок оттого, что юноши и девушки покидают их и уходят в город на заработки¹⁰.

В плантационных фронтах реорганизация несколько отличается, но столь же отчетливо выражена. Прежде всего, от простой сельскохозяйственной формы, ориентированной на самообеспечение, регион переходит к состоянию высокой специализации на производстве продукта, потребляемого в других частях мира. Коренное население обычно участвует в новой экономике, но не очень активно. Вторгшийся иностранец обычно клеймит местных жителей как нецелеустремленных, неповоротливых и ленивых. Поэтому импортируется внешняя рабочая сила из наиболее практичных источников ее предложения; в большинстве случаев это Индия или Китай. В первой половине XIX века такую рабочую силу ввозили

¹⁰ Промышленные города Японии рекрутируют девушек из деревень для работы на текстильных фабриках; такие же города в Китае и Индии отбирают на работу по большей части мужчин.

как рабов, потом — на основе кабальных договоров, теперь же — по большей части под контролем государства. Импортированные расовые группы под давлением конкуренции постепенно приобретают расовое разделение труда, как произошло на каучуковых плантациях в Малайе и на плантациях сахарного тростника на Кубе и на Гавайях. Сельскохозяйственная специализация региона, будь то на чае, каучуке, сахаре или табаке, помещает этот ареал в отношение взаимозависимости с другими частями мира. Его благополучие растет и падает в зависимости от взлета или падения мировых цен на тот продукт, который он производит¹¹. Обычно региональная конкуренция порождает циклы сельскохозяйственной специализации. Например, остров Цейлон сначала специализировался на пряностях, потом — на кофе, затем — на чае, а теперь ведущим экспортным продуктом для него, похоже, становится каучук.

Пожалуй, самая важная черта плантационного фронта — мобильность населения. И рабочие, и управляющие рассматривают плантацию как временное пристанище, где можно максимально быстро заработать денег для того, чтобы раньше уйти на пенсию у себя на родине. Следствием этого становится то, что наибольшая доля богатства, производимого в регионе, потребляется в другом месте, так что в итоге улучшение состояния дорог, домов, школ и других учреждений производится лишь сообразно временным нуждам.

Господство и закрепление на земле

С течением времени большинство фронтиров разрастается вширь. Они переходят из состояния освоения в состояние обустроенности и становятся, в свою очередь, новыми центрами доминирования, создающими новые фронтиры. В первой половине XIX века большая часть мира была окраинным регионом для центров доминирования, расположенных в Западной Европе. Это был открытый мир, который Европа могла осваивать так быстро, насколько позволяли ей это делать темпы распространения средств ком-

¹¹ В 1922 г. цена на каучук в Малайе упала ниже 7 пенсов за фунт, но к 1926 г. выросла до 2 шиллингов 6 пенсов за фунт.

муникации. Преимущество из этой ситуации извлекла прежде всего Англия. Ее передовая техника коммуникации позволяла ей импортировать со всех концов земного шара сырье, а взамен этого вывозить в окраинные поселения товары промышленного производства. Таким образом, она научилась обеспечивать население необходимым намного выше тех возможностей, которые предоставляются местными продовольственными ресурсами¹².

Однако эта первая стадия освоения быстро проходит. Многие из прежних окраинных регионов, включая нашу страну, стали промышленными центрами, удовлетворяющими большинство собственных потребностей и одновременно ищущими внешние рынки для реализации излишков продукции. Этот процесс индустриализации обычно развивается вначале в сфере производства основных продуктов массового потребления, таких, как хлопчатобумажная ткань, обувь и т.п., а затем переходит в сферу производства более утонченных и более специализированных изделий, которому наиболее благоприятствуют локальные ресурсы. Эта тенденция к индустриализации фронтиров нанесла тяжелый удар по первоначальным центрам Европы, особенно Англии. Ее ведущие экспортные отрасли — угледобывающая, сталелитейная, чугунная, судостроительная и текстильная — все как одна находятся в состоянии хронической депрессии.

Аналогичным образом и западные торговые фронтиры, созданные в портовых городах Востока, переходят из состояния освоения в обустроенное состояние, что имеет следствием вытеснение из них европейского населения и европейских услуг. Старая торговля с Индией, Китаем и Японией развивалась за счет учреждения иностранных колоний в местах наиболее выгодной торговли. Эти колонии формировались из иностранных управленческих и канцелярских служб, необходимых для осуществления торговых связей с народами, которые не имели ни знаний, ни технического аппарата для сношений с западными странами. Но шли годы, и люди Востока постепенно освоили технику и схему организации белого человека, результатом чего стала тенденция овладения ими многими из видов деятельности, прежде узурпированных чужезем-

¹² Англия ввозит 70% потребляемого ею зерна и 50% потребляемого мяса.

цами. Они постепенно сознают, что могут сами справиться с машинерией ввоза и вывоза товаров, а белый чужеземец воспринимается ими теперь как ненужный и нежелательный конкурент.

Япония продвинулась в этом отношении дальше всех. Она практически устранила все ненужные иностранные деловые предприятия. Несмотря на рост контактов Японии с западным миром, ее белое население имеет тенденцию сокращаться, а не увеличиваться¹³.

«Еще лет тридцать назад почти вся внешняя торговля Японии велась из старых открытых портов иностранными (не японскими) торговцами, которые ввозили нужные Японии товары и вывозили ее продукцию. Эти иностранцы, в большинстве своем британцы, помогали своим знанием зарубежных рынков развивать и расширять ее торговлю, и коммерческое процветание Японии было в немалой степени обязано этим первопроходцам. Позднее приобрел большое значение вопрос «прямой торговли», как ее назвали, и коммерческая политика Японии состояла прежде всего в оказании содействия созданию нескольких японских фирм, которые при косвенной поддержке правительства были бы в состоянии успешно конкурировать с иностранными фирмами. Постепенно, однако, с достижением успеха у себя дома, появилось желание расширить сферу операций за рубежом; теперь крупные японские фирмы имеют филиалы по всему миру и, помимо оживления торговли у себя в стране, развивают торговлю между странами, в которых Япония косвенным образом имеет свой интерес»¹⁴.

«То же происходит в портовых городах Китая, хотя в настоящее время этот процесс сдерживается политической нестабильностью. При этом многие китайцы хорошо сознают бесполезность иностранного купца, выполняющего услугу и пожинаящего вознаграждение, которые вполне могли бы оставаться в руках китайца. Практически вся внешняя торговля Китая в прошлом велась в Китае иностранными (не китайскими) торговцами, среди которых преобладали торговцы британской национальности; однако в последние годы со стороны китайских торговцев стала все более про-

¹³ В 1909 г. в Токио проживало 3562 иностранца, а в 1922 — всего 2051.

¹⁴ Report of Committee on Industry and Trade—Survey of Overseas Markets (1926). P. 412.

являться склонность вступать в прямые отношения с производителями и экспортерами за рубежом»¹⁵.

Это причина серьезных проблем, возникших в Индии и Египте. Однако, вдобавок к экономической конкуренции, в этих странах есть еще политическая конкуренция. Антиправительственная установка образованных классов в Индии и Египте во многом обязана проблемам обеспечения их работой. Единственные желанные для них «беловоротничковые» позиции — это позиции, связанные с государственным управлением, занимаемые сегодня британцами.

Несомненно, со временем страны Востока будут вести свою торговлю с остальным миром так же, как это делают сегодня страны Европы. Иначе говоря, каждая страна сформирует собственный финансовый механизм и механизм обмена, дабы торговать с максимально меньшими для себя потерями.

Трансформация внешней торговли в Тяньцзине

«В последние несколько лет число торговых фирм существенно выросло, и между ними, естественно, крайне обострилась конкуренция. Если десятилетие назад считанное число зарегистрированных купеческих гильдий, ведущих дело с невероятно высокими издержками, содержащих огромный штат работников и довольствующихся только большими прибылями, вело почти всю торговлю в порту, то теперь они сталкиваются с конкуренцией меньших по размеру фирм, возникших в последнее время. Те несут меньше накладных расходов и довольствуются небольшой маржой. Поэтому, хотя объемы торговли выросли, прибыли уменьшились в силу острой конкуренции между фирмами. Огромное значение имеет появление китайских капитализированных фирм, ведущих дело с ориентацией на зарубежные образцы. Эти предприятия работают напрямую с зарубежными агентствами и тем самым устраняют «иностранных посредников»; естественно, они находятся в более выгодном положении для ведения внешней торговли»¹⁶.

Плантационный тип фронта труда труднее всего вывести из-под иностранного контроля. Причиной этого служит большой объем вовлеченного капитала и расположение рынка сбыта в западном мире. Но даже здесь западная власть начинает терять свой контроль. Многие плантации сахарного тростника на Яве и в Ост-Индии находятся теперь в собственности и под управлени-

¹⁵ Там же. P. 396.

¹⁶ Tientsin Customs Report. 1925 // Chinese Economic Bulletin. October. 9. 1926.

ем Явы. Так же и китайцы в Малайе, при всей их медлительности в принятии корпоративной формы организации бизнеса, постепенно приобретают контроль над все большей долей каучуковых плантаций, не говоря уж об их монополии в производстве олова и консервной отрасли. Аналогичным образом, значительная часть чайных и каучуковых плантаций Цейлона находится ныне в руках сингальцев, а текстильные предприятия Бомбея стали практически монополией парсов.

Новые центры господства

Мировые центры притяжения всегда пребывают в процессе изменения. Старые центры теряют свою относительную значимость, когда вторжение новых факторов приводит к нарушению равновесия. Некоторые из этих факторов временные и случайные; другие связаны с устойчивыми тенденциями. Мир постепенно становится замкнутым ареалом. Время первопроходцев, подарившее экономическое единство Британской империи, быстро проходит. Возникают новые центры господства, которые порождают новые комбинации региональной взаимозависимости, нередко идущие вразрез с существующей политической структурой.

Перевод В.Г. Николаева